

МАКСИМОВИЧ ЖЕЛЪКО

УКАЗЪ
О ЗАКЛЮЧЕНИИ
СЕПАРАТНАГО МИРА
СЪ ГЕРМАНИЕЙ

УКАЗЪ
О ВВЕДЕНИИ ОТВѢСТВЕННОГО
МИНИСТЕРСТВА

УКАЗЪ
ОБЪ УЧРЕЖДЕНИИ
ОСОБОГО СОВѢЩАНІЯ
ПО ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОМУ
УСТРОЙСТВУ

АИ,

НИКОЛАЙ 2

ВЕРСИЯ 2

ВОСЕМЬ ДОКУМЕНТОВ. ВОСЕМЬ ГОЛОСОВ.

СТОЛѢТИЕ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО, НО КОТОРОЕ МОГЛО БЫ БЫТЬ

Желько Максимович
АИ, Николай 2 версия 2

«Автор»

2026

Максимович Ж.

АИ, Николай 2 версия 2 / Ж. Максимович — «Автор», 2026

19 ноября 1916 года. Царское Село, Александровский дворец. Император Николай II не спит третью ночь. На столе — три указа: сепаратный мир с Германией, ответственное министерство, Особое совещание по послевоенному устройству. Три подписи. Семь букв — «Николай». И мир пошёл по другой траектории. В реальной истории эти указы никогда не были подписаны. В реальной истории февраль семнадцатого принёс крушение династии, гражданскую войну и распад империи. Но в этой реальности Николай II принял план своего геостратега Петра Ланского — и заплатил за это одиночеством. Он перестал быть самодержцем и стал символом. Он отдал трон, но сохранил династию. «Отсрочка» — роман о столетии, которого не было, но которое могло бы быть. Восемь документов, восемь голосов, восемь точек обзора на историю Российской империи, избежавшей крушения: Николай II — дневник Государя, который знал, что теряет сакральную власть, но не знал, что приобретает взамен.

© Максимович Ж., 2026

© Автор, 2026

Желько Максимович

АИ, Николай 2 версия 2

«Я спас Империю. Империя меня — пережила. Это не победа. Это плата за право называться Хозяином земли, которой ты больше не владеешь».

— Из дневника Императора Николая II, 1938 год. Альтернативная реальность.

Точка бифуркации: ноябрь–декабрь 1916 года

Стратегическая метка: 19 ноября — 25 декабря 1916 г. Царское Село — Ставка — Стокгольм. Горизонт планирования: 100 лет. Решение: сепаратный мир с Германией, ответственное министерство, земельная реформа. Результат: Российская империя избежала коллапса и стала ядром Евразийского пан-региона. Цена: сакральная власть Государя перетекла на 3–5 этажи.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Государь Император Николай Александрович (1868–1948)

В этой реальности — правил до 1948 года, передал престол сыну Алексею. Человек, который в ноябре 1916-го сделал невозможный выбор — и заплатил за него тем, чем платят самодержцы: одиночеством власти, разделённой с другими. Его путь: от «слабого царя» через стратегическое прозрение к горькой мудрости Хозяина, который знает — земля принадлежит не ему, а истории.

Пётр Аркадьевич Ланской (1868–1947)

Геостратег, начальник Аналитического отдела Генерального штаба. Человек с 5-го этажа, рассчитавший формулу спасения. Единственный, кто говорил Государю правду — всегда. Их отношения: не дружба, не служение — странный симбиоз стратега и символа. Ланской мыслил. Николай — легитимизировал.

Граф Сергей Илларионович Вяземский (1865–1953)

Промышленник, 3-й этаж. После реформ — фактический глава Имперского промышленного совета. Архитектор технологического базиса Евразийского пан-региона. Его отношения с Государем: взаимное уважение, под которым — взаимное недоверие. Николай знал: Вяземский верен не короне, а балансу сил, в котором корона — выгодный партнёр.

Император Алексей Николаевич (1904–1989)

Сын Николая II, второй император альтернативной реальности. Принял престол в 1948 году, правил 41 год. Его бремя: он унаследовал не абсолютную власть, а сложную систему сдержек, где голос монарха — лишь один из многих. Его драма: он помнил отца-самодержца и стал отцом-менеджером.

Император Николай Алексеевич (род. 1948)

Внук Николая II, третий император альтернативной реальности. Вступил на престол в 1989 году. Правит до сих пор (2026). Его эпоха: закат Евразийского пан-региона, стратегическое перенапряжение, когнитивная война с Американским пан-регионом. Его вопрос: как быть Хозяином земли, когда земля уходит из-под ног?

Ротмистр Александр фон Мекк (1888–1979)

Офицер Особого отдела, 4-й этаж. Человек, обеспечивший тишину. Его верность Государю — абсолютна и безответна. Дневники фон Мекка — единственные документы, где Николай II предстаёт не символом, а живым человеком.

Княжна Елизавета Дмитриевна Шаховская (1890–1982)

Фрейлина императрицы, негласный курьер. В этой реальности — осталась при дворе до конца жизни Александры Фёдоровны (ум. 1950), затем служила при Алексее Николаевиче. Её дневник — женский взгляд на историю, который замечает то, чего не видят стратеги.

ГЛАВА ПЕРВАЯ: ВЫБОР

Стратегическая метка: 19–20 ноября 1916 г. Царское Село, Александровский дворец. Уровень: решение Государя. Горизонт: вся оставшаяся жизнь.

Из дневника Императора Николая II. Тетрадь № 67. Хранится в Имперском архиве, доступ с 2017 г. Рассекречено Комиссией по историческому наследию, протокол 1142-к.

1. НОЧЬ ПЕРЕД

Снег пошёл в третьем часу пополуночи. Я не спал.

Бессонница стала моим постоянным спутником с сентября — с тех пор, как сводки с фронта перестали быть сводками и превратились в перечень мест, где русская армия перестала существовать. Я выучил географию Империи по карте её распада: Ковель, Барановичи, Луцк — названия, которые через пятьдесят лет будут помнить только военные историки, но сейчас каждое из них — гвоздь. Не в крышку гроба. В карту, которую я каждое утро разворачиваю на столе в кабинете и каждую ночь сворачиваю, стараясь не смотреть на линию фронта. Она ползёт на восток, как трещина по стеклу. Как будто сама земля расступается под ногами армии, которую я — я — бросил в эту войну.

В три часа пополуночи я перестал притворяться, что сплю, и сел к столу. Зажёг лампу. Достал дневник. Перо скрипнуло — и остановилось. Я поймал себя на том, что не могу написать первую строчку. Не потому, что не знаю, что писать. Потому, что знаю. И боюсь увидеть это на бумаге.

Дневник — странная вещь для Государя. Отец не вёл дневников. Он говорил: «Государь не имеет права на частную память. Всё, что ты напишешь, когда-нибудь прочтут — и будут судить. Поэтому лучше, чтобы читать было нечего». Я не послушался. С детства — с того дня, как tutor мой, мистер Хит, подарил мне первую тетрадь в сафьяновом переплёте, — я записываю. Не для истории. Для себя. Чтобы в конце дня, когда церемонии, доклады, прошения, телеграммы сливаются в сплошной гул, можно было сесть и сказать: вот это — было. Вот это — я помню. Вот это — правда.

Правда — странное слово для Государя. Я не всегда знаю, где она.

Сегодня — вернее, уже вчера, потому что на часах четыре утра и суббота, девятнадцатое, уже наступила, — я должен принять решение. Нет. Не так. Я уже принял его. Я принял его месяц назад, когда впервые выслушал Ланского. Я принял его две недели назад, когда Аликс сказала: «Ты не сделаешь этого». Я принял его вчера, когда Вяземский положил передо мной

цифры — не военные, не политические, а финансовые, и я увидел то, чего не показывают министры: империя стоит на пороге банкротства. Не военного поражения — с поражением можно жить, Россия проигрывала войны и оставалась Россией. Банкротства. Когда казна пуста, а печатный станок работает круглые сутки, и рубль стоит меньше бумаги, на которой напечатан, — тогда умирает не армия. Умирает государство.

Я посмотрел в окно. Снег шёл густо, бесшумно, по-ноябрьски деловито. Царское Село спало. Дворец спал. Аликс спала — я слышал её ровное дыхание за стеной. Дети спали. Империя — огромная, неуклюжая, истекающая кровью, — спала, не зная, что этой ночью её Государь сидит над чистой страницей дневника и не может написать первую строчку.

Я подумал: интересно, спал ли Пётр в ночь перед Полтавой? Спал ли Александр перед Бородином? Спал ли отец тринадцатого марта восемьдесят первого — в ту ночь, когда террористы уже знали, что повезут бомбу на Екатерининский канал, а отец ещё не знал, ещё верил, что Государь хранит Бог?

Бог хранит Государя — но не хранит Империю. Это я понял слишком поздно. Может быть, отец понимал — и потому не вёл дневников. Писать — значит оставлять улики собственной души. А душа Государя должна быть крепостью. Или пустотой. Второе, наверное, удобнее.

Я отложил перо и подошёл к окну. Снег уже замёл аллею. Следы — мои собственные, с вечерней прогулки, — исчезли. Как будто я никогда не ходил по этой аллее. Как будто я — призрак в собственном парке.

Вот так и моё решение, подумал я. Через сто лет никто не вспомнит, что я колебался, что я не спал ночами, что я спорил с самим собой до хрипоты — беззвучно, внутри, потому что Государь не может позволить себе роскоши кричать. Останется только факт: подписал. И будут судить. Одни скажут: предатель. Другие — спаситель. И те и другие будут неправы — потому что судить будут о том, чего не понимают.

История — не летописец. История — геостратег с очень длинным горизонтом планирования. Она играет в долгую. Мы для неё — не люди, а переменные. Мои бессонные ночи, слёзы Аликс, страх за Алексея — всё это не имеет значения. Имеет значение только вектор: усилил ли я государство или ослабил. Всего одно решение — бинарный код истории.

Я вернулся к столу. Перо скрипнуло. Я написал: «19 ноября. Суббота. Сегодня я принял решение». И остановился снова. Потому что это была неправда. Я ещё не принял. Я только знал, что приму.

2. ЦИФРЫ

Ланской пришёл в девять утра.

Сергей Николаевич Ланской — фигура, неизвестная широкой публике. Он не появляется на страницах газет, не бывает на приёмах, не состоит ни в одной партии. Формально он — сотрудник Министерства финансов, скромный действительный статский советник. Неформально — один из трёх человек в Империи, которые знают, сколько она на самом деле стоит.

Третий этаж власти. Так мы называем это между собой — я, Вяземский, ещё несколько человек. Первый этаж — видимый: министры, генералы, губернаторы. Второй этаж — теневой: советники без портфелей, серые кардиналы, люди, чьё влияние обратно пропорционально их известности. И третий этаж — тот, о котором не знает почти никто. Люди, которые не принимают решений, но определяют границы возможного. Ланской — из них. Он не скажет: «делайте так». Он скажет: «если делать так, последствия будут такие-то. Если иначе — такие-то. Выбирайте, Ваше Величество». И улыбнётся уголками губ — холодно, как петербургский ветер с Невы.

В то утро он не улыбался.

— Ваше Величество, — начал он, раскладывая на столе бумаги, — я не буду утомлять вас деталями. Детали вы знаете. Я покажу вам картину.

Он достал лист — большой, формата А2, расчерченный от руки. Не таблица. График.

— Это кривая государственного долга за три года войны. Это — кривая налоговых поступлений. Это — кривая золотого запаса. Как видите, Ваше Величество, в районе марта семнадцатого года первая пересекает вторую. А в районе июня — первую пересекает третья. Проще говоря: в марте, мы перестаём обслуживать долг. В июне у нас заканчивается золото. В сентябре — если ничего не менять — казна пуста. Совсем.

Я смотрел на график. Три линии, сходящиеся в одной точке. Место, где заканчивается государство.

— Союзники?

— Англия даст ещё один заём, — Ланской поправил пенсне. — Под гарантии концессий. Франция — нет. Франция сама на грани. Америка — возможно, но после вступления в войну. А вступит она не раньше апреля. И деньги пойдут не раньше лета. Мы не дотянем.

— А внутренний заём?

— Исчерпан. Подписка на пятый военный заём дала сорок процентов от плана. Крестьянство денег не держит — оно держит зерно. Зерно реквизировать не можем — крестьяне уже бунтуют при одном слове «продразвёрстка». Промышленники... — он замялся. — Промышленники готовы дать деньги. Но на определённых условиях.

— Каких именно?

Ланской молча положил на стол ещё один лист. Я прочёл. Перечёл. Отодвинул.

— Они хотят правительство.

— Они хотят контролировать правительство, — поправил Ланской. — Это разные вещи. Контролировать правительство — значит получить право вето на любое решение, затрагивающее их интересы. А их интересы, Ваше Величество, охватывают примерно три четверти экономики Империи. Они не просят политической власти. Они просят гарантий.

— Вяземский?

— Вяземский — их представитель. Он согласился на роль переговорщика. Я подозреваю, — Ланской позволил себе лёгкую усмешку, — что он уже видит себя премьером.

— А вы? Кого вы видите премьером?

— Меня это не касается, Ваше Величество. Я — инструмент. Я не вижу. Я считаю.

Я встал. Подошёл к окну. Снег перестал. Солнце — низкое, ноябрьское, холодное — висело над парком, как тусклая лампа.

— Сергей Николаевич, вы понимаете, что вы мне предлагаете? Сепаратный мир — это нарушение союзнических обязательств. Это разрыв с Антантой. Это — я скажу прямо — измена.

— Сепаратный мир, — ответил Ланской ровным голосом, — это единственный способ сохранить армию, казну и династию. Антанта нас не спасёт. Антанта воюет до последнего русского солдата — простите за прямоту. Мы потеряли полтора миллиона убитыми. Франция — шестьсот тысяч. Англия — четыреста. Германия — под миллион. Но у Германии есть ещё резервы. У нас — нет. Мы выскребли последних. В окопах сидят мальчишки восемнадцати лет и мужики сорока пяти, которых забрали по третьему призыву. Ещё год войны — и у нас не будет армии. Ещё два — не будет Империи.

— А что будет? — спросил я, не оборачиваясь.

— То, чего мы избегаем, — ответил Ланской. — Немедленный коллапс сменяется медленным умиранием. Сейчас, в ноябре шестнадцатого, мы ещё можем выбирать. Через год выбора не будет. Будет — как в пятом году, только хуже. Гораздо хуже. Потому что в пятом году у нас была армия, которая стреляла в бунтовщиков. В семнадцатом армия сама станет бунтовщиками.

Я обернулся. Ланской сидел неподвижно, сложив руки перед собой. Лицо — спокойное, почти бесстрастное. Глаза — внимательные, цепкие. Глаза человека, который привык считать и не привык ошибаться.

— Вы сказали: «сохранить династию». Вы верите, что династию можно сохранить — такой ценой?

— Ваше Величество, — Ланской чуть наклонил голову, — династия — это не самодержавие. Самодержавие — это инструмент, который работал двести лет и перестал работать. Династия — это символ. Символ можно сохранить, отказавшись от инструмента. Инструмент можно заменить. Символ — нельзя. Разница в том, что инструмент можно заменить. Символ — нельзя. Поэтому платить будете Вы, а не я.

Он повторил это — слово в слово — через два часа, когда я задал ему вопрос: «А если бы вы были на моём месте?»

«Я бы сделал то же самое, — сказал он, не колеблясь. — Но я не на Вашем месте. Я — инструмент. Вы — символ».

Я запомнил это. И потом, много раз, в последующие дни и недели, возвращался к этой фразе. Потому что в ней была страшная, ледяная правда.

Самодержец думает, что он — творец. На самом деле он — символ. А символ не принадлежит себе. Он принадлежит тем, кто в него верит. И когда верить перестают — символ умирает. Не человек. Человек может уехать, отречься, уйти в частную жизнь. Символ умереть не может. Он исчезает.

— Хорошо, — сказал я. — Оставьте бумаги. Я приму решение сегодня.

— Ваше Величество, — Ланской поднялся, — время не ждёт. Но я не тороплю. Решение, принятое в спешке, хуже отсутствия решения. Я буду ждать.

Он поклонился и вышел. Бумаги остались на столе — график, меморандум, проект указа. Я сел и начал читать.

3. СНЫ АЛИКС

Аликс плакала.

Я не видел её плачущей с начала войны. Нет — со дня коронации. Тогда, на Ходынке, когда мы узнали о давке, она плакала, не скрываясь, и говорила: «Это дурной знак. Мы не должны были ехать на бал». Я тогда не послушал. Дядя Владимир сказал: «Государь не может отменить бал из-за несчастного случая. Это проявление слабости». И мы поехали. И танцевали. И улыбались. А на Ходынском поле в это время убирали трупы.

Дурной знак. Я не верил в знаки тогда. Теперь — верю. Или, скорее, научился их читать.

Она стояла у окна в нашей гостиной, спиной ко мне. Плечи вздрагивали. Я подошёл, положил руки ей на плечи. Она не обернулась.

— Ты сделаешь это, — сказала она. Не спросила. Утвердила.

— У меня нет выбора.

— Выбор есть всегда. Ты сам учил меня этому. Когда мы стояли перед алтарём, когда родился Алексей, когда ты принял командование армией — каждый раз ты говорил: выбор есть. Просто иногда он — между плохим и худшим.

— Вот именно. Сейчас — между плохим и худшим.

Она обернулась. Глаза — красные, но сухие. Она уже не плакала. Она смотрела на меня — так, как смотрела в феврале девяносто четвёртого, когда я, ещё наследник, сказал ей, что женюсь на ней, чего бы это ни стоило. Тогда это был вызов — семье, двору, традиции. Сейчас — вызов Богу.

— Ты отдаёшь то, что тебе дал Бог, — сказала она. — Помазание. Власть. Ответственность. Ты не можешь просто так отказаться от этого. Ты не можешь сказать: я больше не самодержец, я теперь конституционный монарх, правьте сами. Это не работает так. Бог не даёт власти взаймы. Он даёт её навсегда. И спрашивает — за всё.

— А за миллионы жизней, которые я сохраняю, если остановлю войну? — я слышал, как мой голос становится жёстким, и не мог ничего с этим поделать. — За них Бог не спросит?

— Война — это не твоя вина. Ты не начинал её.

— Я не остановил её. Я мог — в четырнадцатом, когда Вильгельм прислал телеграмму. Я мог — в пятнадцатом, когда немцы предложили переговоры. Я мог — в шестнадцатом, когда Брусилов ещё не начал наступление, которое стоило нам полумиллиона жизней и не дало ничего. Я мог. И не сделал. Потому что слушал не Бога. Слушал генералов, министров, союзников, общественное мнение. Слушал всех, кроме себя.

— А сейчас ты слушаешь себя? Или Ланского?

— Ланской принёс цифры. Цифры — это не мнение. Цифры — это реальность.

— Реальность — это то, что Бог полагает реальностью, — она почти выкрикнула это. — А не то, что написал на бумажке твой чиновник.

Я замолчал. Не потому, что нечего было ответить. Потому, что ответ был — и он был страшен. Я не верю, что Бог полагает реальностью вот это: окопы, полные гниющих трупов; деревни, сожжённые при отступлении; госпитали, где люди умирают от гангрены, потому что нет лекарств; Петроград, где очереди за хлебом становятся всё длиннее и злее. Бог не может хотеть этого. Если Он хочет — значит, я не понимаю Бога. А если я не понимаю Бога — что я делаю на троне?

Я не сказал этого. Поцеловал её в лоб и вышел.

В коридоре меня ждал Алексей. Он сидел на подоконнике, болтал ногами и смотрел на меня — ясно, прямо, без страха.

— Папа, мама плачет?

— Да.

— Из-за войны?

— Из-за многого. Война — часть этого.

— Ты закончишь войну?

Я остановился. Опустился перед ним на корточки — так, чтобы наши лица были на одном уровне.

— Я попробую.

— Ты должен, — сказал он. — Потому что, когда я буду Государем, я хочу, чтобы войны не было. Война — это глупость.

Ему было двенадцать. Он сказал это с абсолютной уверенностью человека, который знает правду и не понимает, почему взрослые делают вид, что не знают её. Двенадцать лет — и гемофилия, и два года войны, которую он видел из окна поезда, когда мы ездили в Ставку. Дети на войне взрослеют быстрее. Или умирают быстрее. Или и то и другое.

— Ты будешь хорошим Государем, — сказал я.

— Я знаю, — ответил он. И улыбнулся.

4. ВЯЗЕМСКИЙ

После обедни — Вяземский.

Он вошёл в кабинет, как всегда, стремительно, энергично, заполняя собой пространство. Князь Александр Дмитриевич Вяземский — фигура, которую одни называют спасителем Империи, другие — её могильщиком. Высок, сухощав, с быстрыми движениями человека, который привык, что все его распоряжения исполняются немедленно. Ему сорок три. Он сделал состояние на военных поставках — законно, почти законно и откровенно незаконно, но сейчас это не имеет значения. Сейчас он нужен Империи. И он это знает.

— Ваше Величество, — он поклонился, но как-то небрежно, словно делал одолжение, — я принёс план послевоенной конверсии.

Он говорил так, будто мир уже подписан. Не «если», не «когда». «Послевоенная конверсия» — как о деле решённом. Меня это покорило, но я промолчал. Вяземский полезен — а полезным людям прощают многое, даже бестактность. Или особенно бестактность.

План был детальным. Вяземский предлагал — нет, не предлагал, планировал — перевод военных заводов на мирные рельсы. Паровозостроение. Сельскохозяйственные машины. Дешёвый прокат для крестьянского строительства. Сеть элеваторов на юге. Железные дороги — и не те, что строили до войны, по версте в год, а настоящие, стратегические, от Донбасса до Урала.

— Потребуется два миллиарда рублей инвестиций, — сказал он. — Консорциум готов предоставить половину. Вторую половину — государство. Прибыль — двенадцать процентов годовых в течение первых десяти лет. Затем доходность будет падать, но к тому времени промышленность встанет на ноги.

— Двенадцать процентов, — повторил я. — Вы понимаете, что это — вчетверо выше, чем дают европейские банки?

— Европейские банки, — Вяземский усмехнулся, — не дадут России ничего без политических условий. А мы предлагаем без условий. Почти без условий.

— Почти?

Он перестал улыбаться. Положил на стол ещё один лист — короткий, на полстраницы. Я прочёл. Это был список. Десять фамилий. Против каждой — министерство, которое этот человек должен возглавить.

— Это не условие, Ваше Величество, — сказал Вяземский. — Это необходимость. Люди, которые дают деньги, должны быть уверены, что деньги не разворуют. Для этого они должны знать людей, которые будут распоряжаться бюджетом.

Я посмотрел на список. Из десяти фамилий я знал пять. Три были людьми Вяземского. Два — люди из думской оппозиции, кадеты. Остальные пять — незнакомые имена. Все — промышленники.

— Вы хотите, чтобы я назначил министрами людей, которых я никогда не видел.

— Вы увидите их, Ваше Величество. Они готовы представиться в любой момент. Это достойные люди. Дельные. Патриоты.

— Патриоты, — я отложил список. — Знаете, князь, я слышал это слово слишком часто за последние два года. Все патриоты. Генералы, которые гробят армию, — патриоты. Министры, которые разворывают казну, — патриоты. Промышленники, которые наживаются на военных поставках, — патриоты. Мне начинает казаться, что «патриот» — это просто человек, который делает то, что выгодно ему, и называет это государственной необходимостью.

Вяземский выслушал — и не обиделся. У него было хорошее качество: он не обижался на слова. Только на действия. Слова для него были — шелуха. Он работал с сутью.

— Ваше Величество, — сказал он тихо, — я не патриот в том смысле, в каком вы это говорите. Я — капиталист. Капиталисту нужна сильная, богатая, стабильная страна. В нищей и разорённой стране капиталист не заработает. Поэтому мои интересы и интересы государства — в долгосрочной перспективе — совпадают. В краткосрочной — могут расходиться. Но сейчас у нас нет краткосрочной перспективы. У нас есть только выживание.

— И вы хотите выжить.

— Я хочу, чтобы выжила Империя. Потому что, если Империя погибнет, я погибну вместе с ней. Мои заводы, мои деньги, моя жизнь — всё здесь. Мне некуда бежать. В отличие от многих, кто кричит о патриотизме, я не держу капиталов в Лондоне.

Я посмотрел на него. Впервые за долгое время — по-настоящему посмотрел, не как на подрядчика, не как на просителя, а как на человека. Он был страшен. Не внешне — внешне он был даже привлекателен, с породистым лицом и хорошими манерами. Он был страшен своей энергией. Энергией человека, который точно знает, чего хочет, и точно знает, как этого добиться. Такие люди строят империи — и такие же люди их разрушают, когда империя перестаёт их устраивать.

— Хорошо, — сказал я. — Я рассмотрю список.

— Ваше Величество, — Вяземский поднялся, — история запомнит этот день как день спасения.

Я не ответил.

Когда он вышел, я подошёл к окну. В парке гуляли дети — Алексей, Ольга, Татьяна. Они смеялись. Снег скрипел под их ногами. Они не знали, что сегодня решается их судьба — и судьба их детей, и судьба детей их детей. Они просто радовались первому снегу.

Третьего этажа власти я никогда не понимал по-настоящему. Для отца промышленники были — подрядчики. Полезные, но подчинённые. Для меня — необходимость, с которой приходится договариваться. Для Алексея, боюсь, станут — хозяевами. Потому что тот, кто даёт деньги, рано или поздно начинает давать указания. И Государь, который не может содержать армию без частных займов, перестает быть Государем. Он становится — менеджером. Наёмным управляющим при совете директоров.

5. МОЛИТВА

Я пошёл в церковь.

Церковь в Александровском дворце — маленькая, домашняя, с иконостасом работы XVIII века и запахом ладана, который въелся в дерево за сто лет. Я люблю её. Здесь я венчался. Здесь крестили всех наших детей. Здесь я молился в августе четырнадцатого, перед тем как подписать манифест о войне.

Тогда я просил победы. Сейчас — не знаю, о чём просить.

Встал на колени перед иконой Спаса Нерукотворного. Тёмный лик, строгий, почти суровый. Смотрит прямо в душу — и не отводит глаз. На этой иконе Христос не прощает. Он — испытывает.

Я просил знака. Не вслух — про себя. Просил простого, ясного, недвусмысленного указания. Чтобы кто-то — Бог, судьба, случай — сказал: «Делай так». Или: «Не делай». Чтобы я знал. Не предполагал, не рассчитывал, не взвешивал «за» и «против» — а знал. Так, как знает плотник, куда ударить молотком. Так, как знает капитан, куда повернуть штурвал.

Но ответа не было. Тишина. Только лампада потрескивала перед иконой, и где-то за стеной — шаги прислуги.

Я стоял на коленях долго. Может быть, полчаса. Может быть, час. Ноги затекли, спина заныла. Я не двигался. Я ждал.

И вдруг — понял. Не как вспышку, не как голос. Как медленное, холодное осознание, которое поднимается откуда-то изнутри и заполняет всё.

Знаков не дают. Когда ты Государь — знаков не дают. Потому что ты сам — знак. Для других. Твои решения — вот единственный знак, который получают миллионы людей. Они посмотрят на то, что ты сделал, и скажут: «Вот. Это — воля. Это — путь. Идём».

И если ты ошибёшься — они ошибутся вместе с тобой. Если не ошибёшься — они даже не узнают, что ошибка была возможна. Они просто будут жить. Растить детей. Строить дома. И молиться Богу, который — они будут верить — хранит их Государя.

Я поднялся. Перекрестился. Вышел.

Ответ был — отсутствие ответа. И это был правильный ответ.

6. ПОДПИСЬ

Вечером я подписал.

Три указа. Первый — о начале переговоров о перемирии с Германией. Второй — о формировании правительства, ответственного перед Думой. Третий — о созыве Особого совещания по послевоенному устройству Империи.

Три подписи. «Николай» — семь букв, росчерк пера. Семь букв, которые меняют всё. Семь букв, которые через сто лет будут изучать историки — и каждый увидит в них то, что захочет увидеть. Один — предательство. Другой — спасение. Третий — неизбежность.

Когда перо оторвалось от бумаги, я почувствовал — странно — облегчение. Как будто я перестал нести что-то тяжёлое. И одновременно — пустоту. Как будто вместе с этим грузом из меня ушло что-то ещё. Что-то, что было мной.

Я — самодержец. Был. Теперь — конституционный монарх. Или — скоро буду. Или — никогда не буду, потому что «конституционный монарх» — это оксюморон в России. Власть здесь либо абсолютна, либо отсутствует. Третьего не дано.

Я подписал — и стал ждать. Чего? Не знаю. Может быть, грома с небес. Может быть, ангелов с трубами. Может быть, просто — следующего дня.

7. СНЕГ

Вечером — тишина в парке. Первый снег лежал ровно, чисто, бело — как будто сама земля хотела забыть, что было вчера, и начать заново. Я стоял у окна, смотрел, как снег замечает следы на аллее, и думал.

Вот так и моё решение. Через сто лет никто не вспомнит, что я колебался. Что я не спал ночами. Что я спорил с женой и с самим собой. Что я молился перед тёмной иконой и не получил ответа. Всё это исчезнет, как следы на аллее. Останется только факт: подписал.

И будут судить. В зависимости от того, что случится потом. А что случится потом — я не знаю. Никто не знает.

Это и есть власть. Не корона, не скипетр, не держава. Не приёмы и не парады. Власть — это принимать решения, последствия которых ты не увидишь. Сажать деревья, под которыми будут сидеть твои правнуки. Или не будут. Или деревья срубят раньше. Или они упадут сами, подгнившие изнутри.

Я не узнаю.

Алексей — может быть. Если доживёт. Если всё получится. Если Бог — тот самый, который не дал мне знака, — всё-таки хранит нашу семью не так, как хранил других, а как-то иначе. По-особенному.

Снег всё шёл. Крупные хлопья — медленные, торжественные. Как будто сама вечность спускалась на землю, укрывая её от истории.

8. ВИДЕНИЕ ПЕРВОЕ: ДОРОГА

Фрагмент вложен в дневник позже, другой рукой. Почерк женский, предположительно — Императрицы Александры Фёдоровны. Датировано 10 декабря 1916 г. Примечание архивиста: «Вероятно, запись под диктовку Императора, находившегося в лихорадочном состоянии».

Мне снилась дорога.

Не та дорога, что от Петербурга до Царского — гладкая, мощёная, с верстовыми столбами. Другая. Просёлок. Грязь по колено. Колея — глубокая, как шрам. По обочинам — берёзы, чёрные на сером небе, голые, мёртвые. И я иду по этой дороге. Один. Без охраны, без свиты, без шинели — в одном мундире, и холодно, холодно так, что пальцы не гнутся.

Я иду и знаю, что должен куда-то прийти. Но куда — не помню. Помню только, что это важно. Очень важно. Важнее всего, что было в моей жизни.

Дорога раздваивается. Налево — широкая, ухоженная, с колоннами и триумфальной аркой вдалеке. Направо — узкая тропа, которая уходит в лес. И на развилке стоит человек. Я подхожу ближе и вижу: это мой отец.

Он такой же, как на портрете в галерее — высокий, прямой, с тяжёлым взглядом. Только моложе. Моложе меня. Ему — тридцать? Тридцать пять? Он умер в сорок девять, но сейчас ему меньше, я точно знаю.

— Ты пришёл, — говорит он. Голос — как из-под воды. — Долго же ты шёл.

— Я не знаю, куда идти, — говорю я.

— Знаешь. Ты всегда знал. Ты просто не хотел знать.

— Отец...

— Не называй меня так. Здесь у нас нет имён. Есть дорога. И есть выбор.

— Я уже сделал выбор.

— Нет. — Он качает головой. — Ты ещё не начал выбирать. То, что ты сделал сегодня, — это не выбор. Это отсрочка. Выбор будет потом. Когда придётся платить.

— Чем платить?

Он молчит. Смотрит на меня — и вдруг я вижу в его глазах то, чего никогда не видел при жизни. Жалость. Он жалеет меня. Император Александр III, человек-скала, человек-медведь, который никогда никого не жалел, — жалеет своего сына.

— Всем, — говорит он. — Ты заплатишь всем.

Я просыпаюсь в холодном поту. За окном — всё тот же снег. Всё та же ночь. Всё та же Империя.

9. ВИДЕНИЕ ВТОРОЕ: КАРТА

Ещё один вложенный фрагмент, без даты. Почерк — Императора. Бумага жёлтая, чернила выцвели, текст обрывается на полуслове.

...и карта.

Карта, какой я никогда не видел. Огромная, во всю стену, но не бумажная — живая. Она дышит. Границы движутся, как амёбы под микроскопом. Империи растут и съеживаются. Города вспыхивают и гаснут. Реки меняют русла. Войны прокатываются разноцветными волнами. Армии — красные, синие, зелёные стрелки — пронзают континенты и умирают, не достигнув цели.

И кто-то стоит у карты — не человек. Фигура. Или — присутствие. Оно не говорит. Оно показывает.

Вот Россия. Декабрь шестнадцатого. Отсюда расходятся четыре линии — четыре варианта. Один — красный. Революция. Гражданская война. Распад. Двадцать миллионов смертей. Восстановление под новым именем, с новой идеологией, но в старых границах. Империя умирает и воскресает — неузнаваемой, страшной, чужой самой себе.

Второй — серый. Затяжная война. Истощение. Медленное гниение. К двадцатому году — коллапс экономики. К двадцать пятому — распад на десяток государств, которые грызутся за остатки наследства. Империя умирает — и не воскресает.

Третий — золотой. Сепаратный мир. Сохранение династии. Медленное перерождение в конституционную монархию. Потеря Польши, потеря Прибалтики — но сохранение ядра. Через двадцать лет — индустриализация. Через сорок — империя снова в числе великих держав. Других. Но великих.

Четвёртый — чёрный. Я не вижу, что там. Фигура заслоняет.

Я тянусь, чтобы увидеть, — и просыпаюсь.

10. ТО, ЧЕГО НЕТ В ДНЕВНИКЕ

Примечание Комиссии по историческому наследию: следующие два абзаца вымараны из оригинала. Восстановлены методом спектрального анализа в 2018 г. Публикуются впервые.

Я не написал главного. Того, о чём думал все эти дни, но не мог доверить бумаге. Бумага — слишком ненадёжный свидетель. Бумагу можно украсть, прочесть, использовать против тебя. Дневник Государя — не частный документ. Это — мина замедленного действия, заложённая под будущее.

Главное — страх. Не за себя. За них. За Аликс, которая не переживёт крушения. За Алексея, который может не дорасти до трона. За девочек, которые ни в чём не виноваты. За всех, кто носит фамилию Романовых и не знает, что эта фамилия — приговор.

Я боюсь не смерти. Я боюсь того, что будет до неё.

11. ВОСКРЕСЕНЬЕ

20 ноября. Воскресенье.

В церкви — пусто. Только я, Аликс и дети. Священник служит литургию. Я стою, слушаю знакомые с детства слова — и не слышу их. Мыслями я далеко. В будущем — или в прошлом? Трудно сказать. Время стало тягучим, как мёд. Минута длится час. Час — минуту.

После обедни — доклад Вяземского. Он уже говорит о послевоенной конверсии так, будто мир подписан. Самоуверен, энергичен, страшен. План детальный: демобилизация промышленности, перепрофилирование заводов, сеть железных дорог, инвестиционный фонд. Я слушаю — и не слушаю. Я смотрю на его руки. Ухоженные, с маникюром. Руки человека, который никогда не держал винтовки. Который никогда не стоял в окопе по колено в грязи. Который никогда не видел, как умирают от тифа в госпиталях.

Этот человек построит новую Россию. Или не построит. Но он будет пытаться — потому что ему это выгодно. Потому что его деньги лежат здесь. Потому что ему некуда бежать. И это делает его надёжнее любого патриота.

Я смотрю на Вяземского — и думаю. Думаю о том, что третий этаж власти, которого я никогда не понимал по-настоящему, — это не промышленники. Не банкиры. Не Ланской с его цифрами. Третий этаж — это время. Время, которое всё расставит по местам. Время, которое рассудит всех — меня, Вяземского, Ланского, Аликс, Алексея. И приговор его будет окончательным.

Потому что история — не политика. История — физика. У неё есть законы. И первый из них: выживает не тот, кто громче кричит о своей правоте. Выживает тот, кто успевает измениться до того, как измениться будет поздно.

Я успел? Не знаю.

12. ВИДЕНИЕ ТРЕТЬЕ: ПОЕЗД

Последний вложенный фрагмент. Бумага — тетрадный лист в клетку, вырванный из ученической тетради. Почерк — детский. Предположительно — Цесаревича Алексея. Примеча-

ние архивиста: «Обнаружен в 2023 г. между страницами дневника. Вероятно, вложен позже, после 1918 г., уже не Императором».

Мне приснилось, что я еду в поезде. Долго-долго. За окном — поля, леса, деревни. Всё наше. Всё моё. То есть — будет моё, когда я вырасту.

Поезд останавливается на станции. Я выхожу. На платформе — люди. Много людей. Они смотрят на меня. Я думаю: сейчас они поклонятся. Но они не кланяются. Они просто смотрят. И один человек — старый, с бородой — говорит: «Ты опоздал. Поезд ушёл».

Я спрашиваю: «Какой поезд?»

Он говорит: «Тот, на котором уехал твой отец. И твой дед. И все остальные. Ты остался один. Что ты будешь делать?»

И я просыпаюсь. И думаю: что я буду делать? Когда я буду Государем — что я буду делать?

Я не знаю. Но папа сказал, что я буду хорошим Государем. Папа не обманывает.

13. ЭПИЛОГ НЕДОПИСАННОГО

Я закрываю дневник. Завтра — новый день. Послезавтра — переговоры. Через месяц — мир. Или не мир. Или всё сорвётся. Или Ланской окажется прав. Или Вяземский окажется прав. Или Аликс окажется права.

Кто-то из них прав. Кто-то — нет. Я не знаю кто.

Я знаю только одно: я сделал выбор. Не потому, что был уверен. Не потому, что получил знак. А потому, что не сделать выбора было нельзя. Потому что промедление — тоже выбор. И часто — худший из возможных.

Снег идёт. Завтра будет новый день.

Конец тетради № 67. Далее — тетрадь № 68, начатая 1 декабря 1916 г. Первая запись: «Мирные переговоры начались. Немцы ведут себя жёстко. Вильгельм прислал телеграмму — поздравляет с мудрым решением. Не знаю, издевается или нет. Скорее всего — издевается. Но это неважно. Важно, что орудия молчат».

АРХИВНАЯ СПРАВКА

Тетрадь № 67 — единственная из всего корпуса дневников Императора Николая II, содержащая вложенные фрагменты неавторского происхождения. Комиссия по историческому наследию признаёт подлинность основного текста. Вопрос о подлинности вложенных фрагментов остаётся открытым. Экспертиза бумаги и чернил дала противоречивые результаты. Ряд исследователей (проф. М. С. Волконский, Оксфорд; д-р К. Такахаси, Университет Хоккайдо) полагают, что «Видение третье: Поезд» является позднейшей мистификацией. Другие (акад. Е. В. Романова-Ильинская, Имперская Академия) настаивают на подлинности. Дискуссия продолжается.

Примечание публикатора: текст публикуется полностью, включая спорные фрагменты. История — не точная наука. Иногда вымысел говорит о правде больше, чем документы.

ГЛАВА ВТОРАЯ: ПАН-РЕГИОН

Стратегическая метка: 12 марта 1932 г. Москва, Кремль, зал заседаний Имперского стратегического совета (бывший Андреевский). Тема: «О формировании Евразийского пан-региона». Докладчик: П. А. Ланской, действительный тайный советник, директор Имперского института стратегического планирования. Присутствует Государь Император Николай II. Стенограмма. Гриф: «Особой важности. Хранить вечно». Рассекречена в 2002 г. Комиссией по историческому наследию, протокол 2017-ф.

1. ЗАЛ

Зал изменился. Я помню его другим.

В девяносто шестом, на коронации, здесь стояли троны — три, под балдахином с двуглавыми орлами. Золото, бархат, бриллианты на иконах. Тогда этот зал был храмом власти — и власть в нём была сакральной. Ты входил — и чувствовал: здесь пребывает Бог. Или, по крайней мере, Его тень.

Сейчас — тридцать второй год. Балдахин убрали в Оружейную палату, троны вынесли, стены затянули панелями из карельской берёзы. Посередине — длинный стол, покрытый зелёным сукном. Вдоль стен — стулья для помощников и секретарей. На столе — графины с водой, пепельницы, блокноты. У дальней стены — огромная карта Евразии, размеченная цветными булавами. Синие — наши союзники. Красные — зона конфликта. Зелёные — экономическое проникновение. Жёлтые — под вопросом.

Зал больше не храм. Зал — штаб.

Я сижу во главе стола. Не на троне — на обычном дубовом стуле, с высокой спинкой, но всё-таки стуле. По правую руку — Ланской. По левую — Вяземский, генерал-губернатор промышленности. Дальше — Шувалов (армия), Гирс (дипломатический корпус), Шаховской (финансы), Кржижановский (энергетика), Вернадский (научный совет). Всего двадцать три человека. Двадцать три судьбы — моей Империи.

Шестнадцать лет прошло с того ноябрьского утра, когда я подписал три указа. Шестнадцать лет — и мир стал другим. Или это я стал другим. Трудно сказать, где заканчивается изменение мира и начинается изменение наблюдателя.

2. ПЕРЕД СОВЕЩАНИЕМ: УТРО ГОСУДАРЯ

Из дневника Императора Николая II. Тетрадь № 103, запись от 12 марта 1932 г.

Проснулся в шесть. По давней привычке — чай, трубка, окно. Москва в марте — сырая, серая, с грязным снегом на обочинах и первыми проталинами. Не Петербург. Петербург я не любил — по привык. Москва — другое. Здесь я чувствую себя не столичным жителем, а гостем. Или — хозяином, который слишком долго отсутствовал и теперь должен заново доказывать

право на дом. Москва смотрит на меня иначе, чем Петербург. Петербург — служит. Москва — присматривается.

В семь — телеграммы. Лондон выражает озабоченность нашими переговорами с Германией о таможенном союзе. Вашингтон предупреждает, что «любые шаги, ведущие к фрагментации глобального рынка, встретят соответствующий ответ». Париж молчит — но молчит красноречиво. Токио просит консультаций по рыболовству в Охотском море — нейтральная тема, но за ней всегда маячит что-то ещё. Японцы редко говорят о том, что их действительно волнует. Они говорят о рыбе — а думают о Курилах.

В восемь — Вяземский, краткий утренний доклад. Он постарел — мы все постарели — но энергии не убавилось. Если бы энергию можно было добывать из людей, как нефть из скважин, Вяземский один обеспечил бы электрификацию всей Империи. Он докладывает о строительстве Челябинского тракторного (пуск — в мае), о проблемах с поставками вольфрама из Китая (ненадёжные концессии, нужен военный конвой), о прогрессе в авиастроении (Туполев обещает новый бомбардировщик к осени). Я слушаю — и думаю о том, что Вяземский говорит со мной уже не как с Государем. Он говорит как с равноправным партнёром. Или — как с председателем совета директоров, где он сам — генеральный директор.

Это цена, которую я заплатил в ноябре шестнадцатого. Не сепаратный мир с Германией — это была цена политическая. Не ответственное министерство — это была цена процедурная. Настоящая цена — вот это: я сижу в кабинете, и человек недворянского происхождения, сын купца второй гильдии, докладывает мне о положении дел в Империи тоном, каким раньше говорили только Романовы между собой. И я слушаю. Потому что он нужен. Потому что он знает то, чего не знаю я., потому что третий этаж власти — тот, о котором мы говорили с Ланским в шестнадцатом, — за эти годы вырос, окреп и теперь уже не третий этаж, а, пожалуй, второй. А может, и первый — просто мы делаем вид, что это не так.

Перед совещанием — короткая прогулка по Кремлю. Люблю Кремль утром. Он ещё не проснулся для посетителей, только охрана и редкие чиновники. Стою на смотровой площадке, смотрю на Москву-реку. Лёд уже пошёл. Вода — серая, быстрая, с белыми барашками. Река не знает, что сегодня в Кремле решают судьбу континента. Река течёт, как текла при Иване Третьем и будет течь после всех нас.

Я думаю о Ланском. Он будет докладывать сегодня. Его доклады всегда — событие. Не потому, что он говорит что-то новое. Новое он говорит редко. Он говорит то, что все знают, но боятся сформулировать. Он даёт имена тому, что ещё не названо. А назвать — значит получить власть над названным. Древняя магия. Ланской — не экономист. Он — жрец. Только его божество — не Бог, а закономерность.

3. СТЕНОГРАММА: ДОКЛАД ЛАНСКОГО

12 марта 1932 г., 10:05 по московскому времени. Начало заседания.

Председательствующий (Вяземский): Ваше Величество, господа. Тема сегодняшнего заседания сформулирована Институтом стратегического планирования как «О формировании Евразийского пан-региона». Докладчик — Пётр Аркадьевич Ланской. Прошу.

Ланской: Ваше Величество, господа.

Ланской встаёт. Он похудел за последние годы — война нервов с Лондоном и Вашингтоном даётся тяжело, — но держится прямо. Голос — как всегда, ровный. Без пафоса. Без эмоций. Стекло. Через него видно то, что он говорит, — и не видно того, что он чувствует. Чувствует ли он вообще что-нибудь? Я не знаю. За двадцать лет я не смог этого понять.

— Позволю себе начать с утверждения, которое многим здесь покажется спорным. А некоторым, возможно, и опасным. — Он делает короткую паузу, обводит взглядом стол. — Глобализация — в том виде, в каком её продвигает англо-американский альянс, — есть форма колонизации без флага. Контролируя финансы и морские коммуникации, Лондон и Вашингтон не нуждаются в прямом управлении территориями. Территории — это расходы. Финансы — это прибыль. Они не оккупируют страны. Они их кредитуют. А кредит — это власть без ответственности. Изящное изобретение, которое стоило бы уважать, если бы оно не было направлено против нас.

Мир входит в эпоху пан-регионов. Это не моя выдумка и не пропагандистский лозунг. Это логика распада глобального проекта Запада — того самого проекта, который они пытались навязать миру через Лигу Наций, через золотой стандарт, через свободу мореплавания. Проект трещит по швам — не потому, что мы его подрываем, а потому, что он внутренне противоречив. Свободная торговля выгодна сильному. Слабому она несёт деиндустриализацию. Слабые начинают сопротивляться. Отсюда — тарифные войны, валютные зоны, блоки.

Он подходит к карте.

— Что такое пан-регион? Это не империя в старом смысле. Старая империя — это завоеванные территории, управляемые из центра. Пан-регион — это система. У неё есть ядро и периферия. Ядро обладает технологическим, финансовым и военным превосходством. Периферия поставляет ресурсы, рынки сбыта, демографию. Ядро не управляет периферией напрямую — оно задаёт правила игры. Валюта, стандарты, коммуникации, безопасность. Кто хочет быть в системе — принимает эти правила. Кто не хочет — остаётся снаружи. Но снаружи — холодно. Снаружи — дороже кредиты, меньше рынки, хуже защита. Поэтому со временем все, кто может выбирать, выбирают систему.

Вяземский: Пётр Аркадьевич, давайте конкретнее. Кто, где, почему? Мы здесь не студенты — можете опустить теоретическую рамку.

Ланской чуть улыбается. Он знает, что Вяземский нетерпелив. Он нарочно растягивает введение — чтобы Вяземский проявил нетерпение. Маленькая игра, которую они ведут уже много лет.

Ланской: Извольте. Я вижу три гарантированных пан-региона и один вероятный.

Первый — Американский. Ядро: Соединённые Штаты. Сателлиты: Британская империя в процессе поглощения, Франция, Латинская Америка, возможно — часть тихоокеанских государств. Они контролируют две главные вещи: морские коммуникации и мировую финансовую систему. Их валюта — доллар — обеспечена не золотом, а военно-морским флотом. Их преимущество: технологии, капитал, информация, культурное влияние. Их уязвимость: ресурсная зависимость. Нефть, каучук, редкоземельные металлы — всё это находится в других пан-регионах. Если мы перекроем им доступ — их экономика начнёт задыхаться. Не сразу, но начнёт.

Второй — Евразийский. Ядро: Российская империя. Партнёры: Германия, славянские государства Балкан, Персия, возможно — Турция и Афганистан. Наше преимущество: ресурсы, территория, сухопутная военная мощь, единое таможенное пространство от Варшавы до Владивостока. Наша уязвимость: технологическое отставание, демографическая растянута, недостаток тёплых портов. Мы богаты землёй — и бедны людьми на этой земле. Плотность населения к востоку от Урала — меньше трёх человек на квадратную версту. Это не территория. Это вакуум. А вакуум заполняется.

Третий — Китайский. Пока в зачаточном состоянии. Китай раздроблен, там идёт гражданская война. Но потенциал колоссален. Четыреста миллионов человек. Способность к мобилизации, которой нет ни у кого в мире. Если Китай объединится и проведёт индустриализацию, через поколение мы получим соперника, равного нам по демографии и превосходящего по динамике. А если индустриализацию поможет провести Америка — мы получим соперника на своём дальневосточном фланге. Соперника, которого мы не сможем сдержать.

Тишина в зале. Ланской продолжает.

— Четвёртый пан-регион я называю Исламским — но это рабочее название, не окончательное. Речь идёт о пространстве от Марокко до Индонезии. Сейчас это пространство раздроблено, в основном колонизировано или полу колонизировано. Османская империя дышит на ладан. Но если на этом пространстве возникнет новая объединяющая сила — она замкнёт южное подбрюшье Евразийского пан-региона. И тогда мы окажемся в клещах: с запада — американский флот, с востока — китайская демография, с юга — исламский ресурсный пояс. Этого нельзя допустить.

Николай II: Вы говорите так, будто война уже идёт.

Ланской: Она идёт, Ваше Величество. Просто это война без объявления. Когнитивная. Экономическая. Технологическая. Мы воюем за умы, за ресурсы, за контроль над цепочками поставок. Тот, кто проиграет эту войну, проиграет следующую «горячую» ещё до первого выстрела. Потому что к моменту первого выстрела у проигравшего уже не будет ни стали, ни нефти, ни союзников. У него будет только храбрость. А храбрость, как показал опыт прошлой войны, не заменяет логику.

Молчание. Я смотрю на карту. Синие булавки — наши. Их много, они покрывают пространство от Рейна до Тихого океана. Но красных булавок тоже много — и они расположены там, где проходят морские пути. Мы — континентальная держава. Они — морская. Мы контролируем сушу. Они контролируют океан. Это противостояние длится уже четыреста лет — и ни разу не заканчивалось окончательной победой одной стороны. Всегда — компромисс. Всегда — новое равновесие. Всегда — временное.

4. СТЕНОГРАММА: ОБСУЖДЕНИЕ

Вяземский: Пётр Аркадьевич, ваша картина впечатляет. Теперь вопрос: что мы будем делать?

Ланской: Я предлагаю три шага. Не как план — как рамку. Детали должны разработать профильные ведомства.

Шаг первый: технологический суверенитет.

Ланской достаёт из папки график — увеличенную копию того самого, что лежал передо мной в ноябре шестнадцатого. Только теперь на нём — кривые не долга, а технологического разрыва.

— Вот здесь, — он проводит указкой по графику, — мы находимся сейчас. Разрыв по станкостроению с Германией — пять лет. С Америкой — десять. По авиационным двигателям — восемь и двенадцать соответственно. По радиоэлектронике — мы даже не меряли, потому что нечего мерять. У нас нет своей радиоэлектронной промышленности. Мы собираем приёмники из немецких деталей. Если завтра Германия перестанет поставлять — мы оглохнем. В прямом смысле.

Я предлагаю трёхлетнюю программу форсированной локализации. Свои станки — хотя бы базовые. Свои двигатели — хотя бы для авиации и флота. Своя нефтепереработка — мы добываем нефть, но перерабатываем хуже, чем американцы, теряя до тридцати процентов продукта. Не можем сделать сами — покупаем у Германии, но с обязательной локализацией. Никакой зависимости от американских патентов. Американский патент — это троянский конь. Сегодня он даёт вам технологию. Завтра он запрещает вам её развивать.

Вяземский: Это деньги. Большие деньги. Где брать?

Шаховской (финансы): Частично — из казны. Частично — займы. Частично — концессии. Но я согласен с Петром Аркадьевичем: если мы не сделаем этого сейчас, через десять лет мы будем покупать всё — от иголок до аэропланов. И платить не деньгами. Платить суверенитетом.

Ланской: Шаг второй: демографическая мобилизация. Сибирь и Дальний Восток должны быть заселены.

Он переходит к другой карте — восточной части Империи. Огромное пространство, покрашенное светло-зелёным. Редкие точки городов. Ещё более редкие нитки железных дорог.

— Вот это, господа, наша главная уязвимость. Не технологии. Не флот. Не тёплые порты. А вот эта пустота. — Он обводит указкой пространство от Урала до Тихого океана. — Здесь живёт пятнадцать миллионов человек. За Амуром, на китайской стороне, — сто пятьдесят миллионов. Соотношение — один к десяти. И оно ухудшается. Китайцы не пойдут на нас армией. Они пойдут крестьянами. Тысяча семей в год. Десять тысяч. Через поколение китайцы будут большинством в Приморье. И тогда им не нужна будет армия. У них будет демократическое большинство. А демократия, господа, — это способ голосованием отобрать то, что мы не защитили заселением.

— Что вы предлагаете? — спрашивает Шувалов. — Новую столыпинскую реформу?

— Больше, — отвечает Ланской. — Столыпин переселял крестьян. Я предлагаю переселять промышленность. Налоговые каникулы на десять лет для любого предприятия, построенного к востоку от Урала. Земельные гранты — не в аренду, в собственность. Бесплатный проезд для семей. Инфраструктура за счёт казны. Школы, больницы, университеты — раньше,

чем заводы. Через тридцать лет там должны жить пятьдесят миллионов человек. Если мы этого не сделаем — через тридцать лет там будут жить китайцы.

Шувалов: А если они пойдут раньше?

Ланской: Поэтому третий шаг: контроль над Хартлендом.

Он возвращается к карте Евразии.

— Хартленд. Сердце Евразии. Понятие не моё — термин ввёл британский географ Маккиндер в девятьсот четвёртом году. Он сформулировал так: «Кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом. Кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом. Кто командует Мировым островом, тот командует миром». Британцы поняли это раньше нас. Именно поэтому они триста лет мешали России выходить к проливам. Именно поэтому они поддерживали Турцию. Именно поэтому они воевали с нами в Крыму. Они боялись, что мы замкнём Хартленд — и тогда острову конец.

Сейчас мы контролируем Хартленд географически. Де-факто: от Варшавы до Владивостока — наша территория и территория наших союзников. Но географический контроль — это только начало. Нужен контроль экономический: единая валюта, единые стандарты, единая система безопасности. Нужен контроль инфраструктурный: железные дороги, трубопроводы, телеграф, потом — радио. Нужен контроль когнитивный: свои университеты, свои научные школы, своя повестка. Мы должны перестать думать о себе как о «мосте между Европой и Азией». Мост — это то, по чему ходят другие. Мы должны стать центром. Центр не соединяет. Центр притягивает.

Николай II: Вы предлагаете Империи стать крепостью?

Ланской: Крепость — это оборона, Ваше Величество. Крепость сидит за стенами и ждёт, пока враг подойдёт. Я предлагаю другое. Пан-регион — это не крепость. Это магнитное поле. Мы не обороняемся — мы притягиваем. Мы создаём пространство, в котором наши правила выгоднее чужих. Наш рубль — стабильнее доллара, потому что обеспечен не флотом, а ресурсами. Наш транзит — быстрее морского, потому что железная дорога короче океанского пути. Наше гражданство — привлекательнее, потому что мы предлагаем не колониальное подданство второго сорта, а имперское гражданство с правами. Кто хочет — присоединяется. Кто не хочет — остаётся на периферии. Но периферия всегда платит больше.

Гирс (дипломатия): А как отреагирует Берлин? Германия — наш партнёр, но партнёрство с Германией всегда было союзом льва и тигра. Лев и тигр могут охотиться вместе. Но они никогда не будут спать в одной клетке.

Ланской: Германия — часть пан-региона. Не ядро. Ядро — мы. Германия получает доступ к нашим ресурсам и нашему рынку. Мы получаем доступ к немецким технологиям. Это асимметричный обмен, но он выгоден обеим сторонам — пока мы сильнее. Если мы ослабнем, Берлин попытается стать ядром сам. Поэтому ослабнуть мы не имеем права.

5. ПАУЗА

В этом месте стенограмма фиксирует «паузу, 18 секунд». Восемнадцать секунд — по стенограмме это одна строчка. В реальности — вечность.

Я смотрю на карту. Синие булавки — это не просто точки на бумаге. Это заводы, гарнизоны, железнодорожные узлы, нефтяные вышки, телеграфные линии. Это люди — миллионы людей, которые никогда не узнают имени Ланского, но будут жить в мире, который он придумал. Это мой сын Алексей — ему двадцать семь, он уже генерал-губернатор Дальнего Востока, он присылает мне телеграммы из Владивостока, и в каждой — тревога. «Китайцев всё больше». «Японцы наращивают флот». «Нужны люди». «Нужны деньги». «Нужно время».

Я думаю: Ланской предлагает план на тридцать лет. Мне — шестьдесят четыре. Я не увижу конца этого плана. Я увижу только начало. Как с тем снегом в Царском Селе: я подписал указы — и следы замело. Я не узнаю, правильным ли было решение. Я узнаю только, что решение было принято.

История — странный собеседник. Она говорит с нами через последствия, но последствия приходят слишком поздно. К тому моменту, когда ты понимаешь, что ошибся, ты уже мёртв. Или — что ещё хуже — ты ещё жив, но исправить ничего нельзя.

Я вспоминаю тот сон — дорога, отец на развилке. «Ты заплатишь всем». Может быть, плата — это именно это. Знать, что ты строишь дом, в котором никогда не будешь жить. Сажать дерево, под которым будут сидеть чужие правнуки. И верить, что они вспомнят тебя добром — хотя скорее всего они даже не будут знать твоего имени. Или будут знать — но как строчку в учебнике. «Николай II, последний самодержец и первый конституционный монарх». Последний и первый. Уже и не то и не другое.

Восемнадцать секунд. Я перевожу взгляд с карты на Ланского. Он ждёт. Он умеет ждать. Этому я научился у него: ждать, когда говорит Государь, — но не потому, что ждёшь приказа. А потому, что знаешь: Государь сейчас думает. И дума его — часть процесса.

— Хорошо, — говорю я. — Готовьте программу. Вяземский — промышленность. Шувалов — армия. Ланской — стратегическое обоснование. Осенью представьте на утверждение.

Кивки. Шорох блокнотов. Заседание продолжается.

6. ВИДЕНИЕ ПЕРВОЕ: ХАРТЛЕНД

Фрагмент записан рукой Императора на отдельном листе, вложен в тетрадь № 103. Бумага — бланк Имперского стратегического совета. Почерк — быстрый, небрежный, с пометками. Предположительно — запись сделана сразу после пробуждения, в ночь с 12 на 13 марта 1932 г.

Мне снова снилась карта. Та самая — живая, дышащая.

Я стою перед ней один. За окнами — ночь, но карта светится изнутри, как витраж в церкви. Границы пульсируют. Цвета меняются. Я смотрю на Хартленд — и вижу, как из него расходятся линии. Не синие булавки Ланского — что-то другое. Линии силы. Они текут, как вода, — всегда вниз, всегда туда, где меньше сопротивление. И я вдруг понимаю: Хартленд — это не место. Хартленд — это направление. Он там, куда течёт сила.

Сейчас сила течёт к нам. Мы — низина, мы собираем ручьи. Но я смотрю — и вижу, как рельеф меняется. Медленно-медленно, как во сне — то есть во сне внутри сна. Через сто лет Хартленд будет не здесь. Через двести — где-то ещё. И все наши усилия — построить пан-регион, заселить Сибирь, замкнуть границы — это попытка сделать рельеф постоянным. Остановить течение. Превратить реку в озеро.

Но реку нельзя превратить в озеро. Можно только направить её в нужное русло. И то — на время. Потому что вода всегда находит путь вниз.

Я просыпаюсь с мыслью: Ланской прав — и неправ. Прав в том, что мы должны строить. Неправ в том, что построенное устоит. Ничто не устаивает. Вопрос не в том, устоит ли Империя. Вопрос в том, как долго она продержится — и что оставит после себя.

7. ПОСЛЕ ЗАСЕДАНИЯ: РАЗГОВОР В КОРИДОРЕ

Реконструкция по мемуарам П. А. Ланского «Двадцать лет у трона», изд. 1947 г., стр. 312–315. Мемуары Ланского, хранящиеся в Имперском архиве, долгое время считались утраченными. Обнаружены в 1998 г. при ремонте здания Института стратегического планирования.

После заседания Государь задержал меня в коридоре. Это был один из тех редких моментов, когда он говорил без свидетелей — и без обычной сдержанности.

— Пётр Аркадьевич, — сказал он, глядя в окно на Москву-реку, — вы помните ноябрь шестнадцатого?

— Помню, Ваше Величество.

— Вы тогда сказали мне фразу, которую я запомнил на всю жизнь. «Инструмент можно заменить. Символ — нельзя. Поэтому платить будете Вы, а не я».

— Я помню эту фразу, Ваше Величество.

— Вы были правы. Я плачу. Уже шестнадцать лет плачу. И буду платить до конца. — Он помолчал. — Но знаете, что я понял за эти шестнадцать лет? Платит не только тот, кто принимает решение. Платит и тот, кто готовит решение. Вы тоже платите, Пётр Аркадьевич. Просто ваша плата — другого рода.

— Какого же, Ваше Величество?

— Вы никогда не увидите результата. — Он повернулся ко мне, и я увидел в его глазах то, что редко видел: усталость. Не физическую — метафизическую. Усталость человека, который слишком долго был символом. — Я не увижу, потому что умру раньше. Вы не увидите, потому что стратегия имеет горизонт в тридцать лет, а вам — шестьдесят два. Через тридцать лет вам будет девяносто два. Даже если вы доживёте — вы уже не будете тем, кто писал этот план. Вы будете стариком в кресле, которому приносят газеты и говорят: «Смотрите, Пётр Аркадьевич, ваш план сработал». Или не сработал. Но вам уже будет всё равно. Потому что к тому времени вы заплатите цену. А цена — это жизнь. Жизнь, потраченная на то, чего ты никогда не узнаешь.

— Это устраивает меня, Ваше Величество, — ответил я. И это была правда.

Государь кивнул. Мы постояли ещё минуту — молча. Потом он сказал: «Идите, Пётр Аркадьевич. У вас много работы».

И я пошёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.